

О нем тянет писать в прошедшем времени. Как о детстве, юности, первой любви. Что прошло не мимо, а через тебя, и всосалось в кровь, в душу.

Его стихи казались то вызовом здравому смыслу, то пародией на него, то чем-то «сверх» — шепотом из Космоса, который обрушил откровения на избранного, и тот не смог противиться этой воле. Он нежно выговаривал шифровки, а мы мучались без кода и пытались грубо взломать сейф. Но были среди нас те, кто вдыхал его слова, пробовал на вкус, любовался, будто он одаривал их искомой правдой о них, будто расшифровывал их души. Его голос легко и точно нащупывал верные цифры — пальцы умело набирали мелодию, — и дверца открывалась...

Он был не суетен, не горласт, не вызывающ, не суров. Возможно, его манила роль пастора, но ему хватало такта не быть навязчивым. В его устах слово «ангел» звучало органично.

Он был дан нам вовремя — для примирения.

С собой и с жизнью. Ему поверили.

Явления не бывают нудно продолжительными, не переживают самих себя. Обрываются вдруг и остаются навсегда.

Как детство, юность, первая любовь. Кажется, тянется долго, а пролетает в миг, и в памяти этот миг — прекрасен.

Он жив. Он еще будет. Но — иным. Тот — прошедший — был прекрасен. Мы ждали — и он явился. Вот и весь смысл.

Алла ПЕРЕВАЛОВА.

В «АКВАРИУМЕ» И

— Я хочу сразу сказать: то, что принято в просторечье называть Борисом Гребенщиковым, пользуясь такой возможностью, официально, абсолютно торжественно отказывается от какой-либо причастности ко всему, что было написано и сказано об «Аквариуме», включая фактически все интервью, которые давались, — ни одно из них правильным не было, даже самые глубокие...

— Не было правильным с чьей стороны?

— С моей. Никто из журналистов — не по своей вине, естественно, — не знал, о чем нужно говорить, спрашивать, чтобы получить более или менее истинный ответ. Но они в этом не виноваты — хотя, впрочем, я в этом тоже не виноват. Гребенщиков «исторический», со всеми скандалами и слухами вокруг него, меня не интересует... Все время, пока происходила эта внешняя жизнь, о которой говорят и пишут, происходила еще и жизнь внутренняя, о которой ни в одном интервью, ни в одной истории «Аквариума» ничего никогда сказано не было — и сказано никогда не будет...

...Все слова, которые сказаны нами и по поводу нас, — это описание опилок, которые когда-то, в какие-то моменты своей жизни побывали в магнитном поле; причем в тот момент, когда их спрашивают, они там не находятся.

— И всю жизнь не могут об этом забыть?

— Да, потому что это ощущение мало с чем сравнимо... И я должен опечалить тех любителей, кто всем этим занимался, читал и участвовал во всем этом, потому что все это напоминает, скажем, заметки о бригаде художников на основании отчетов об их свободном времени. То есть художники пьют, гуляют, ведут себя непотребно, а то, что они при этом делают какие-то картины, — остается за кадром.

Естественно, главным в том, что мы называем «Аквариумом», всегда было то, что напрямую передается через музыку. То, для чего музыка, слова и все остальные вещи, которые вокруг этого есть, служат только оберткой, покрывалом, корзинкой. Истинно — то, что было внутри, есть внутри и будет. Внутри всей этой музыки. Почему, собственно, люди до сих пор помнят об этом и любят это. И я сам об этом помню и люблю. Именно потому, что внешняя сторона — это вещь несущественная. Банд шалопаев, которые проводили время так же, как мы, или еще более отвязанно, — я думаю, достаточно. Когда речь идет об «Аквариуме», речь идет именно о том, что люди ухитрились участвовать в каком-то фантастически интересном процессе и при этом как-то себя еще и вели. И почти все, что пишут, пишут про то, как они себя вели.

— Как ты думаешь, почему это происходит?

— А ты знаешь, это, может быть, даже хорошо, потому что то, что на самом деле делается, то, что продолжаете делать, и в настоящем времени, и в музыке, которая была, — это не требует комментариев. И об этом, как правило, в человеческих словах сказать действительно очень сложно — или вообще невозможно. И то, что делалось снаружи, это в общем малоинтересно. То есть это — мило, хорошо, забавно, но... Когда внешняя сторона начала перевешивать, тогда «Аквариум» пришел к закономерному концу... Я не могу сказать, чтобы что-либо из этого было втуне, поскольку каждый неверный шаг, который мы сделали, в итоге привел к тому, что был сделан какой-то контршаг, уже позже, который привел к результатам, которые есть сейчас.

— «Аквариуму» исполнилось двадцать лет. Имеет ли, по-твоему, смысл как-то праздновать юбилей?

— Нет.

— Ни мысли, ни желания что-то по этому поводу делать?

— Нет. Меня не интересует История. Я не хожу на встречи выпускников через пять, десять, двадцать лет после окончания десятого класса.

— Неужели не любопытно?

— Абсолютно. Меня интересуют гораздо более занимательные вещи.

— Если бы ты смотрел на все это со стороны — как, по-твоему, возможно ли возрождение «Аквариума»?

— Нет. В данный момент — нет. Потому что сделанное — сделано. Сущность — остается. А добавлять к ней что-нибудь пока я не вижу смысла. На этой волне, в этом диапазоне больше ничего не передается.

Может быть, если что-то изменится в мире, тогда... Я говорил всем, еще три-четыре года

«Борис Гребенщиков, то бишь я.

В 1964 году впервые услышал «Битлз» и понял, зачем живу. В 1968 году научился играть на гитаре. ...Кроме песен, пишу просто стихи, прозу, картины маслом, люблю вкусно готовить и делать замысловатые полки для книг».

Из автобиографии.

Группа «Аквариум» родилась в 1972 году. В 1980-м коллектив принял участие в фестивале «Весенние ритмы Тбилиси-80».

1988 год — фирма CBS пожелала выпустить сольный диск Б. Гребенщикова. Пластинка заняла 198-е место в «топ-200» журнала «Биллборд». Последний концерт группы «Аквариум» состоялся 14 марта 1991 года в Ленинграде. Пост-аквариумный коллектив собрался в конце марта для студийной работы. Тогда же родилась идея концертной группы, которую фанаты условно назвали инициалами создателя — «БГ».

Из биографии «Аквариума».

ВО ВРЕМЕНИ

назад, что образ такой: мы стоим перед стеклянной стеной, и вместе через нее не пройти — через нее проходят все по отдельности.

— А когда станет понятно, кто прошел, а кто — нет? Встретятся ли все по ту сторону стены?

— Это станет ясно только для каждого отдельного человека. И это зависит от каждого. Этот образ можно истолковывать по-разному, но это — то, что я видел.

— В том, что делал «Аквариум» в начале 91-го года, не было никаких предпосылок для сегодняшнего состояния...

— Когда большая собака чувствует, что она больна, она бросается в поле, и съедает какую-то травку. Какую — она не знает. Вот мы — как та собака. Мы совершаем вещи, которые нужно совершить.

— В основном наблюдатели воспринимают этот коллектив как музыкальный состав людей, которые были подобраны потому, что кто-то должен был играть появляющиеся песни...

— Музыканты не были подобраны. Они приходили такими методами, что их даже описывать неудобно. Вплоть до прямой мистики...

— Я знаю, кольцо на веревочке расщивали.

— Были вещи и похлеще. Но все представление об этом коллективе со стороны мне уже, боюсь, неинтересны. Потому что именно тут я знаю очень твердо, что мы делаем, так как была поставлена задача гораздо более локальная, чем с «Аквариумом». Задача эта была выполнена. То есть я знаю, что необходимое было сказано, и так же хорошо знаю, что сказанное было услышано. Процесс абсолютно завершен. Все.

Как это воспринимают люди, музыканты,

что по этому поводу могу думать я сам, — это уже не важно. К тому же, что бы ни говорили, люди, когда они сходят со сцены, выпивают водки и начинают обсуждать какие-то свои проблемы, — к тому, что делает на сцене группа, это отношения не имеет. Мы как носители отделались от нас как людей — целиком.

— Тебе не страшно иметь дело с тем, что ты создал?

— Обычно нет. За редкими исключениями...

Сделано то, что должно было быть сделано...

— Это — то, что ты создал?

— Это — то, что стоит за тем, что я создал.

— Вопрос, напрашивающийся естественно, — православию. Сейчас православию в России в глазах многих в чем-то дискредитировало себя, и многие воспринимают...

— Я сразу хочу остановить эту тему. Я ничего не могу сказать о своем отношении к православию.

— Не знаешь, что говорить, или не хочешь?

— Просто — ничего не могу сказать. По неопытности я много говорил о вещах, о которых не слишком хорошо знаю, — и очень многое из того, что я говорил, было бахвальством. Теперь я ничего не могу сказать о своем отношении к православию. Кроме того, что это — позитивное отношение.

Ольга САГАРЕВА.

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.

(агентство «Вместе»).

Издательство «Алфавит» выпустило две книги, составленные О. Сагаревой: «Проза» Бориса Гребенщикова и сборник материалов «Аквариум» 1972—1992. Телефон для тех, кто хочет их купить: 134-17-41 (Москва).